

М.А. КОЗИНЦЕВ, Р.Ю. ПОЧЕКАЕВ

.....

РОССИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

НАЧАЛА 1870-х ГОДОВ

ГЛАЗАМИ

СОВРЕМЕННОГО

Записки

Шахимардана Ибрагимова

Роман Почекаев

**Россия в Средней Азии
начала 1870-х годов глазами
современника. Записки
Шахимардана Ибрагимова**

«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»

2025

УДК 94.575.1/4+930.25

ББК 63.3(5)5+79.3

Почекаев Р. Ю.

Россия в Средней Азии начала 1870-х годов глазами современника.
Записки Шахимардана Ибрагимова / Р. Ю. Почекаев — «Высшая
Школа Экономики (ВШЭ)», 2025

ISBN 978-5-7598-4415-0

В издание вошли труды российского чиновника, ученого и дипломата Шахимардана Мирясовича Ибрагимова (1841–1891), созданные им в период пребывания на службе в Туркестанском крае в 1870-х годах. Сочинения Ш.М. Ибрагимова, который успешно сочетал свою служебную деятельность с научными исследованиями, отличался широким кругозором и наблюдательностью, – весьма ценный источник по истории политики Российской империи в Средней Азии второй половины XIX в. Работы, представленные в первой части книги, относятся к разным жанрам – от путевых заметок и дневника до аналитических статей. Некоторые из них были опубликованы в 1870-х годах в российской периодике. В то же время «Заметки туриста» и «Дневник» публикуются и вводятся в научный оборот впервые. Тексты Ш.М. Ибрагимова приведены в соответствие с современными правилами русского языка, снабжены научным комментарием. Вторая часть книги позволяет взглянуть на сочинения писателя и политического деятеля глазами исследователей. Для историков и востоковедов, историков права и политологов, а также студентов, обучающихся по данным образовательным программам.

УДК 94.575.1/4+930.25

ББК 63.3(5)5+79.3

ISBN 978-5-7598-4415-0

© Почекаев Р. Ю., 2025

© Высшая Школа Экономики
(ВШЭ), 2025

Содержание

Введение	9
Часть I	15
Вводные замечания	16
Дорожные наброски. «Заметки туриста»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Роман Юлианович Почекаев,
Марк Альвиевич Козинцев
Россия в Средней Азии начала 1870-
х годов глазами современника.
Записки Шахимардана Ибрагимова**

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор РАН,
заведующий Центром истории народов России и межэтнических отношений
Института российской истории РАН

И.В. Зайцев;

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой ближневосточных и африканских исследований
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
в Санкт-Петербурге

М.Ю. Илюшина

© Козинцев М.А., Почекаев Р.Ю., 2025

* * *

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

М.А. КОЗИНЦЕВ, Р.Ю. ПОЧЕКАЕВ
.....

РОССИЯ
В СРЕДНЕЙ АЗИИ
начала 1870-х годов
глазами современника

*Записки
Шахимардана Ибрагимова*

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва, 2025

Введение

История сохранила множество имен участников присоединения Средней Азии к Российской империи во второй половине XIX в. – государственных деятелей, полководцев и исследователей. При этом нередко представители первых двух групп являлись одновременно и представителями третьей: многие администраторы, а также военные, служившие в Туркестане, активно занимались научной деятельностью. Однако лишь единицы из их числа могут сегодня считаться широко известными, тогда как имена большинства знакомы только сравнительно узкому кругу специалистов. Последнее относится и к Шахимардану Мирясовичу Ибрагимову, наследию которого посвящена настоящая книга.

Нельзя сказать, что личность и деятельность Ш.М. Ибрагимова вообще не привлекала внимания исследователей: его имя известно специалистам по историографии присоединения Средней Азии к России, а также исследователям истории науки в Туркестанском регионе имперского периода. Однако эти ученые лишь отмечают ценность его работ и дают их краткую характеристику. Как ни странно, гораздо более востребованными у специалистов являются труды Ибрагимова, посвященные не Средней Азии, а Казахской степи – в частности, работы о традиционном суде и быте казахов, казахских пословицах и поговорках и т. д.

Авторы книги поставили перед собой цель – продемонстрировать значимость работ Ш.М. Ибрагимова, посвященных именно тому региону, в котором он прослужил более десяти лет, – Туркестанскому краю, включая сопредельные Кокандское и Хивинское ханства, как раз в начале 1870-х годов попавшие под российский протекторат. Однако сначала целесообразно сказать несколько слов о самом Шахимардане Мирясовиче, личная и служебная жизнь которого без преувеличения могла бы стать основой для приключенческого или даже шпионского романа.

Несмотря на активную служебную и научную деятельность Ш.М. Ибрагимова в ряде регионов Российской империи, в столице и за рубежом, данные о его биографии весьма скудны¹. Известно, что он родился в 1841 г. в Оренбургской губернии [Костецкий, 2008, с. 111]. Однако до сих пор не установлено точно даже его имя: в исследовательской литературе наиболее широко распространен вариант Шахимардан Мирясович, но отдельные авторы называют его Ишмуратом [Валиханов, 1985в, с. 473, примеч. 3; История дореволюционной России... 1981, с. 160]. Некоторая двусмысленность при изучении биографии Ибрагимова возникает в связи с неоднократным упоминанием его в официальной документации также под именем Ивана Ивановича, тем не менее, полагаем, нет оснований считать, что он когда-либо переходил в православие. Во-первых, он дважды был женат на татарках: на дочери касимовского купца, с которой развелся в 1880 г., и на дочери штабс-капитана Рахимова [Лунин, 1966, с. 48]. Во-вторых, незадолго до своей смерти он отправился в хадж в Мекку, о чем будет подробнее сказано ниже.

Интересно отметить, что точно не известна даже этническая принадлежность Ш.М. Ибрагимова: по одним сведениям, он был «соотечественником Валиханова», т. е. казахом, по другим – «образованным башкиром»² [Ибрагимов, 1878, с. 1; Лунин, 1966, с. 39].

---

¹ Примечательно, что первый биографический очерк о Ш.М. Ибрагимове появился лишь в 1964 г., и то в связи с подготовкой к изданию собрания сочинений его друга Ч.Ч. Валиханова [Масанов, 1964].

² По сведениям ташкентских краеведов, дед Ш.М. Ибрагимова принимал участие в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе русской армии, дошел до Парижа, проявив мужество и доблесть, за что его потомки получили право поступать в престижные российские учебные заведения [Сенченко, 2018, с. 383–384]. Поскольку казахи не призывались в российскую армию, этот факт свидетельствует в пользу башкирского происхождения Ибрагимовых.

Дополнительную путаницу в биографию Ш.М. Ибрагимова вносит тот факт, что у него был брат (причем, предположительно, даже близнец), Шахимурат Мирясович (ум. 1881)³, который служил вместе с ним сначала в Сибири, затем – в Туркестане. Поэтому в некоторых исследовательских работах отдельные эпизоды служебной биографии одного брата иногда приписываются другому и наоборот.

Известно, что Ш.М. Ибрагимов в юности учился в Сибирском кадетском корпусе в Омске, где свел знакомство и впоследствии подружился с Ч.Ч. Валихановым⁴. Обучение он не закончил: вместе с братом ему пришлось оставить корпус «по домашним обстоятельствам», что, однако, не помешало ему впоследствии некоторое время работать учителем в Омской киргизской (т. е. казахской) школе.

С 1861 г. Ш.М. Ибрагимов служил в Западной Сибири, затем, с 1870 г. – в Туркестанском крае. На новом месте службы он начал карьеру как переводчик с персидского, маньчжурского и татарского языков. В этом качестве он среди прочего участвовал в следственной комиссии по делу о злоупотреблениях в Кураминском уезде в 1878 г.⁵ В том же 1878 году Ибрагимов был назначен исполняющим обязанности старшего чиновника по дипломатической части [Костецкий, 2008, с. 111]. Как отмечал генерал-губернатор К.П. Кауфман (1818–1882), именно Ибрагимов занимался внешнеполитическими связями туркестанской краевой администрации. Поэтому он находился в тесном взаимодействии и постоянной переписке с российскими чиновниками, направлявшимися с миссиями в ханства Средней Азии, а также принимал непосредственное участие в организации приемов делегаций от среднеазиатских правителей [Бухара и Афганистан... 1974, с. 16, 90, 131]. В 1880 и 1881 гг. он сам возглавлял миссии в Бухарский эмират. В апреле 1882 г. деятельность Ш.М. Ибрагимова была отмечена благодарностью «за прекрасное во всех отношениях исполнение в продолжение всех четырех лет обязанностей дипломатического чиновника», которая была опубликована в официальном разделе «Туркестанских ведомостей», № 19 [Костецкий, 2008, с. 111; Лунин 1966, с. 41–42].

В 1882 г. Ш.М. Ибрагимов, несмотря на хвалебные отзывы руководства края о его профессиональной деятельности и качествах, а также наличие российских и персидских наград, подал в отставку и был уволен «с мундиром» в чине действительного статского советника. Предполагают, что он пал жертвой неприязни нового генерал-губернатора М.Г. Черняева (1882–1884). Последний мог припомнить ему дружбу с Ч.Ч. Валихановым, с которым у будущего начальника Туркестанского края еще в первой половине 1860-х годов произошел конфликт [Лунин, 1966, с. 42]. Подтверждением этой точки зрения может служить тот факт, что после отставки М.Г. Черняева в 1884 г. Ш.М. Ибрагимов вновь был принят на службу при администрации на сей раз генерал-губернатора Н.О. фон Розенбаха (1884–1889), хотя теперь представлял интересы Туркестана в Санкт-Петербурге [Письма Н.Н. Ильминского, 1895, с. 176; Костецкий, 2008, с. 111].

В 1887 г. Ш.М. Ибрагимов был зачислен в штат Министерства иностранных дел, а в 1890 г. назначен первым российским консулом в Джидду (Хиджаз), приступив к обязанностям в начале июня следующего года [Костецкий, 2008, с. 112; Сенченко, 2018, с. 370]. Согласно инструкции от российского посла в Константинополе, Ш.М. Ибрагимов должен был оказы-

---

³ В официальной документации он, как и брат, нередко фигурирует под русскими именем и отчеством – Федор Иванович, однако и о его переходе в православие сведений не имеется.

⁴ Валиханов Чокан Чингисович (1835–1865) – казахский ученый и просветитель, автор работ по истории и культуре народов Центральной Азии; путешественник, участник экспедиций в Среднюю Азию и Китай. Впоследствии Ш.М. Ибрагимов продолжил тесное общение с Валихановым, а после его смерти участвовал в установлении К.П. Кауфманом памятной плиты в честь казахского ученого, для которой самолично Ш.М. Ибрагимов перевел русский текст на казахский язык [Валиханов, 1984, с. 65–66]. Позднее он принимал участие в подготовке первого собрания сочинений Ч.Ч. Валиханова, в которое вошли и его собственные воспоминания об авторе [Валиханов, 1904, с. XL–XLVI; Валиханов, 1985, с. 413–417].

⁵ Этот процесс нашел отражение в воспоминаниях многих современников-«туркестанцев» (см., например: [Карпеев, 1994, с. 190]).

вать покровительство русско-подданным паломникам в Мекку, отслеживать влияние хаджа на настроения российских мусульман, пресекать попытки тех из них, кто оставался в Аравии, обирать новоприбывших паломников под видом оказания им разного рода услуг. Кроме того, в его обязанности вошел сбор информации об аравийских портах и о политике в отношении них европейских государств, а также отслеживание ситуации в Абиссинии (т. е. Эфиопии)! Активно принявшись за дело, Ш.М. Ибрагимов быстро наладил связи с местными властями и консульствами других иностранных государств [Наумкин, 2013, с. 231, 236; Сенченко, 2018, с. 370–371, 375, 377–378]. Решив лично отправиться в хадж, он стал первым русским официальным лицом, которому имперские власти не только разрешили это сделать, но и субсидировали паломничество [Костецкий, 2008, с. 112]⁶. Однако во время хаджа, 10 июля 1891 г., Ш.М. Ибрагимов скончался. По официальной версии, он заразился холерой, от которой и умер на обратном пути из Мекки. Но, как писал впоследствии драгоман консульства Ш. Ишаев, он мог стать жертвой нападения тех самых мусульман, которые обирали паломников и деятельность которых ему следовало пресекать. В частности, подозревали, что он был отравлен сопровождавшим его врачом-египтянином, который скрылся сразу после смерти консула [Ишаев, 2003, с. 6–7] (см. также: [Лунин, 1966, с. 42–43; Наумкин, 2013, с. 235; Сенченко, 2018, с. 380–383]).

Большинство современников, лично знавших Ш.М. Ибрагимова, включая его начальство, высоко оценивали его личные и служебные качества. Генерал-губернатор К.П. Кауфман и его заместитель Г.А. Колпаковский (1819–1896) неоднократно выражали ему благодарность и рекомендовали его центральным властям. В частности, последний дал ему перед увольнением в 1882 г. такую аттестацию: «Ибрагимов обратил на себя внимание знанием обычаев и наречий, точностью и отчетливостью в исполнении возлагаемых на него поручений при собрании разных сведений от туземцев и в сношениях с последними главного начальника края» (цит. по: [Левтеева, 1986, с. 110]).

Лишь Н.Ф. Петровский (1837–1908), российский консул в Кашгаре в 1882–1903 гг., в одном из писем крайне негативно отзывался об Ибрагимове: «Знаете ли Вы, что пресловутый переводчик Кауфмана д[ействительный] с[татский] с[оветник] киргиз Ибрагимов назначается консулом в Джидду? В Ташкенте была получена в Канцелярии ген[ерал] – губ[ернатора] бумага, в которой писалось, что на должность консула требуется консул-мусульманин (по каким соображениям?) и что не желает ли занять это место г. Ибрагимов. Сей последний имел смелость согласиться, полагая, вероятно, что в Джидде никакого языка, кроме киргизского и ломаного русского, знать не нужно. Надо еще прибавить, что в Аз[иатском] д[епартамент]е, у Жданова⁷, находятся его же, Жданова, донесения Мельникову⁸ о всех возмутительных гадостях, к[ото]рые чинил Ибр[агимов], будучи в Бухаре и исправляя должность Вейнберга»⁹ [Петровский, 2010, с. 215]. Однако хорошо известно, что Николай Федорович вообще крайне редко находил доброе слово для кого-либо из своих знакомых, не щадя даже тех, кого называл своими друзьями (см., например: [Козинцев, Почекаев, 2018, с. 72]).

В качестве своеобразного опровержения негативного отзыва Н.Ф. Петровского позволим себе привести довольно объемную характеристику, которую дал Ш.М. Ибрагимову человек, совершенно не заинтересованный в его идеализации, – известный религиозный деятель, право-

⁶ Правда, по некоторым сведениям, хадж был лишь прикрытием для разведывательной деятельности, выяснения политической и религиозной ситуации в Мекке и Медине.

⁷ Жданов Митрофан Григорьевич (1847–1916) – российский дипломат, дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе (1881–1883), делопроизводитель Азиатского департамента МИД (1884–1898), впоследствии занимал консульские должности в Смирне и Лионе.

⁸ Мельников Александр Александрович (1827–1913) – вице-директор Азиатского департамента МИД (1875–1883), позднее – посланник в Тегеране.

⁹ Вейнберг Аркадий Августович (ум. 1878) – дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе в 1873–1878 гг.

славный просветитель и миссионер Н.И. Ильминский (1822–1891). Яркое описание личности и качеств Ибрагимова он представил в письме от 20 апреля 1885 г. К.П. Победоносцеву (1827–1907), обер-прокурору Синода (1880–1906), написанном в то время, когда решался вопрос о выборе для Министерства народного просвещения чиновника, ответственного за взаимодействие с мусульманским духовенством: «Ибрагимова я видел в прошлом году: проездом через Казань из Петербурга в Ташкент он и меня удостоил своим посещением. Я прежде слышал, что он при покойном К.П. Кауфмане пользовался полным доверием как отличный знаток азиатских языков и дельный дипломат. При Черняеве он, кажется, удалился из края, а при генерале Розенбахе опять поехал в Среднюю Азию. Но о его нравственном или политическом характере я ни от кого ничего не слыхал ни в какую сторону. Он довольно высокий, стройный, тончавый, цивилизованный и вполне коммодотный, – можно сказать, блестящий. Прибавьте – действительный статский советник. Говорит бойко, красноречиво и энергично. наших мешковатых духовных он может стусевать. Но это ничего еще, а вот чего можно опасаться: служив долго в центре Туркестанского управления, он как человек внимательный и умный, вероятно, отлично узнал всю подноготную мусульманских стран, народов и правительств; как на ладони, видит и знает всю совокупность мусульманского мира на всем лице земли; лично знаком со многими лицами и в России, и в Средней Азии, и в Индии, и в Киргизской степи, и т. д. Так что, если ему, паче чаяния, влезет в голову идея панмусульманская, то он владеет к тому полным знанием и всеми нравственными средствами. А в то же время блестящим русским говором и изложением, идеями прогрессивными, даже, когда нужно, либеральными, обращением и манерами ловкими и совершенно светскими, смелостью и умением держать себя с достоинством, но без дерзости, пред кем угодно, – всем этим он может обаять и ослепить наших господ и чиновников высшего управления. Тевкелев¹⁰ перед ним мешок. Кратко сказать: не нашей простоте орудовать таким тонким инструментом. Для нас вот что подходяще было бы: чтобы в русском разговоре путался и краснел, писал бы по-русски с порядочным количеством ошибок, трусил бы не только губернатора, но и всякого столоначальника и т. п.» [Письма Н.И. Ильминского, 1895, с. 176–177]. Как видим, именно благодаря своим выдающимся качествам и знаниям Ш.М. Ибрагимов не был признан подходящей кандидатурой [Лунин, 1966, с. 42]! Впрочем, возможно, что именно такая позиция Н.И. Ильминского позволила ему добиться успехов и на дипломатическом, и на научном поприще.

Не менее яркой, чем служебная, была и научно-исследовательская деятельность Ш.М. Ибрагимова, также заслуживающая внимания исследователей. Первоначальный его интерес к истории и этнографии народов Центральной Азии могло предопределить тесное общение с Ч.Ч. Валихановым [Там же, с. 40]. Любопытно отметить, что изначально в научных изысканиях ему помогал не только сам Чокан, но и его отец – султан Чингис Валиханов¹¹ [Валиханов, 1984, с. 14]. Научная деятельность Ш.М. Ибрагимова началась на рубеже 1860–1870-х годов – возможно, в связи с тем, что в 1870 г. он был назначен первым редактором «Туркистон вилоятининг газети», первой газеты, выпуски которой выходили на казахском и на узбекском языках (в 1878 г. на этой должности его сменил его брат Шахимурат). В 1870–1871 гг. он также участвовал в работе Среднеазиатского ученого общества [Костецкий, 2008, с. 111; Лунин, 1966, с. 40]. Советские исследователи характеризовали Ш.М. Ибрагимова как представителя «национальной интеллигенции Средней Азии, нарождавшейся под влиянием передовой русской культуры» [Лунин, 1966, с. 38].

---

¹⁰ Тевкелев Салимгарей Шангареевич (1805–1885) – мусульманский общественный деятель, муфтий, председатель Оренбургского магометанского духовного собрания (1865–1885).

¹¹ Валиханов Чингис Валиевич (1811–1895) – казахский султан, сын Вали, последнего хана Среднего жуза, старший султан Аманкарагайского (1834–1844), Кушмурунского (1844–1853), Кокчетавского (1857–1868) округов. Занимался этнографическими исследованиями, сотрудничал с Императорским Русским географическим обществом.

Первым научным опытом Ибрагимова стало собирание произведений казахского народного творчества – сказок и загадок, которые он публиковал в русском переводе в газете «Туркестанские ведомости» [Там же, с. 43–44]. Затем он подготовил ряд статей о положении мулл в Казахской степи и этнографии казахов [Ибрагимов, 1872*д*; 1874*а*; 1876]. Самой же фундаментальной и, вероятно, наиболее часто используемой его работой стали «Заметки о киргизском суде» [Ибрагимов, 1878] (см. также: [Лунин, 1966, с. 46–47]).

Как уже отмечалось, эти работы Ш.М. Ибрагимова до сих пор пользуются известностью и остаются востребованными среди исследователей, хотя автор, проведший значительное время на службе в Туркестанском крае, именно этому региону, а также сопредельным странам и их народам посвятил немало трудов – тех самых, которые вошли в данную книгу. Позволим себе предположить, что исследователи не уделяют данному блоку работ Ибрагимова заслуженное внимание по той причине, что далеко не все эти работы опубликованы в научных изданиях.

В самом деле, лишь объемная статья «Некоторые заметки о хивинских туркменах и киргизах», написанная по итогам участия автора в Хивинской кампании 1873 г. [Ибрагимов, 1874*б*], была опубликована в «Военном сборнике», в котором печатались не только многочисленные военные востоковеды¹², но и авторитетные академические ученые. Другие же публикации Ш.М. Ибрагимова, имеющие отношение к среднеазиатской тематике, выходили на страницах официального периодического издания Туркестанского генерал-губернаторства – «Туркестанских ведомостей» и, следовательно (по мнению ученых), являлись в большей степени чисто публицистическими, а не научными.

Позволим себе не вполне согласиться с такой оценкой: конечно, статьи «Из Кокана», «Коканское посольство в Кашгаре», «Пять дней в Кокане» и «Русское посольство в Кокане» [Ибрагимов, 1872*а*; 1872*б*; 1872*в*; 1872*г*] не соответствуют современным стандартам научных исследований. Однако, поскольку для нас сочинения Ш.М. Ибрагимова – в первую очередь важный источник по истории российской политики в Средней Азии, эти статьи представляют огромную научную ценность. Прежде всего, они являются свидетельством современника-очевидца, так как написаны в период пребывания автора в Кокандском ханстве. Кроме того, не следует упускать из виду, что сам Шахимардан Мирясович имел, во-первых, тюркское происхождение, во-вторых, мусульманское вероисповедание: представители местного населения были склонны доверять ему в большей степени, чем другим российским чиновникам (русского происхождения), и, как следствие, проявляли большую откровенность. Именно эти соображения побудили нас включить указанные статьи в настоящую книгу.

Несомненной новизной данного издания станет введение в научный оборот работ Ш.М. Ибрагимова, которые до сих пор не были опубликованы и, соответственно, не исследованы в достаточной мере. Речь идет о двух рукописях, хранящихся в Архиве востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук (ИВР РАН, Санкт-Петербург).

Первая из них – «Дневник» о приеме посольства из Кокандского ханства, веденный в феврале – апреле 1872 г.¹³, – представляет собой ценнейший источник по истории отношений властей Российской империи, и в частности администрации Туркестанского края, с этим среднеазиатским государством. Дневник тем более значим еще и потому, что именно история Кокандского ханства, особенно в период российского протектората (1868–1876), отражена в источниках, а следовательно, изучена в гораздо меньшей степени, чем история пребывания под российским протекторатом других ханств Средней Азии – Бухарского и Хивинского.

---

¹² Феномен военного востоковедения стал предметом исследований для целого ряда специалистов (см., например: [Басханов, 2005; Бойкова, 2014; Колесников, 1997]; см. также: [Почекаев, 2019, с. 18–20]).

¹³ Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 33. Оп. 1. Ед. 224. 248 л.

Вторая рукопись – «Дорожные наброски. “Заметки туриста”»¹⁴ – содержит впечатления Ш.М. Ибрагимова, записанные во время одной из его служебных командировок по Туркестанскому краю, вероятно, также имевшей место в начале 1870-х годов. И если «Дневник» вмещает сведения о внешней политике Туркестанского генерал-губернаторства, то «Заметки» посвящены анализу внутренней жизни региона и его населения в первые годы пребывания под властью Российской империи.

Как и в опубликованных работах, в рукописях автор демонстрирует широкий кругозор и наблюдательность, склонность к научным изысканиям и вместе с тем достаточно взвешенные оценки. Это представляется весьма важным, поскольку тем самым Ш.М. Ибрагимов сумел избежать проблемы «выбора» между двумя своими ипостасями – имперского чиновника, с одной стороны, и тюрка и мусульманина – с другой.

Специалисты не без оснований сетуют на то, что научное наследие Ш.М. Ибрагимова не изучено и не систематизировано, что одни его работы «используются исследователями, другие забыты» [Лунин, 1966, с. 38]. Авторы настоящей книги надеются, что ее издание отчасти поможет решить эту проблему и привлечь внимание к ценным и важным источникам, представляющим собой одновременно и свидетельства современника, и собрание научных трудов.

Первую часть книги составляет публикация трудов Ш.М. Ибрагимова с примечаниями, сделанными им самим (помечены как «Примеч. авт.»), а также авторами данного издания. Текстуальные примечания к публикуемым впервые архивным документам – «Дневнику» и «Заметкам туриста» – выделены курсивом. Вторая часть книги носит исследовательский характер. Одни из ее разделов выступают в роли своего рода комментариев к отдельным аспектам истории, этнографии и исторической географии Средней Азии, освещенным в трудах Ш.М. Ибрагимова. Другие – представляют панораму исторических событий, в той или иной степени затронутых в сочинениях Ибрагимова, позволяя сравнить его информацию со свидетельствами иных авторов. Считаю нужным обратить внимание на то, что в публикации источников и фрагментах из них, которые цитируются в исследовательском «блоке», текст, за исключением отдельных случаев, приведен в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации. Явные ошибки, в том числе в согласовании слов, исправлены без специальных указаний.

Подготовка этого издания была бы невозможна без помощи и содействия многочисленных коллег, которые поддерживали авторов в их изысканиях, давали консультации по специфическим вопросам, а также предоставляли возможность апробировать промежуточные результаты исследований в виде докладов и отдельных публикаций. Авторы выражают искреннюю благодарность И.Ф. Поповой, И.В. Кульганек, Д.А. Носову, Т.А. Пан, Т.Д. Скрынниковой (ИВР РАН, Санкт-Петербург), М.Е. Резван, И.В. Стасевич (МАЭ РАН (Кунсткамера), Санкт-Петербург), Л.Ф. Поповой (Российский этнографический музей, Санкт-Петербург), Д.В. Васильеву (МГПУ, Москва), Т.В. Котюковой (ИВИ РАН, Москва), М.В. Немытиной (РУДН, Москва), Н.Л. Семеновой (Стерлитамакский ф-л БашГУ), а также рецензентам – И.В. Зайцеву и М.Ю. Илюшиной.

---

¹⁴ Там же. Ед. 225. 92 л.

Часть I

Записки Шахимардана Ибрагимова

Вводные замечания

Сохранившиеся в Архиве востоковедов тексты «Заметок туриста» и «Дневника путешествия» представляют собой черновики и предчистовые версии, переписанные с заделом под будущую редактуру. Хотя в деле сохранилось немало автографов Ибрагимова, большая часть переписана другими людьми. При этом переписчики, по-видимому, не вполне были знакомы с предметом и не всегда верно интерпретировали почерк Ибрагимова. В связи с этим в предчистовых записях имеется существенное количество лакун. Особенно это касается имен собственных, в записи которых наблюдается значительная степень вариативности. Нередки также нарушения синтаксической согласованности.

В настоящем издании – для удобства восприятия – имена собственные в тех случаях, когда они поддаются идентификации, приведены к единому, как правило наиболее частотному для данного текста, варианту написания. В остальных случаях сохранена орфографическая вариативность. Общеупотребительные сокращения раскрыты без дополнительных указаний. Старые названия топонимов по преимуществу сохранены; осовременена только их орфография. При передаче имен мы ориентировались на варианты, представленные в периодической печати, в первую очередь в газете «Туркестанские ведомости». В случае, если в тексте пропущены важные по смыслу элементы, эти лакуны показаны многоточиями. Специфические, а порой и орфографически ошибочные варианты написания ряда слов приведены к современной норме. Пунктуация по большей части приведена к современной норме; знаки препинания добавлены по необходимости.

Дорожные наброски. «Заметки туриста»

Быть и прожить в Ташкенте¹⁵ – не значит знать всю Среднюю Азию. Ташкент – это преддверие той таинственной Средней Азии, в которую, как известно, еще недавно с весьма большим пожертвованием едва удавалось проникнуть европейским смельчакам.

Приехав в Ташкент, мне хотелось поскорее заглянуть за Сырдарью, в тот центр земного шара, из которого, по словам правоверных, управляется весь мир: я (*л. 1 об.*) говорю о Самарканде¹⁶, древней столице Согдианы¹⁷, Мавераннахра¹⁸ и некогда грозной Тимуровой империи¹⁹. Случай не замедлил представиться, вскоре по приезде в Ташкент я должен был ехать в Самарканд. Мне предстояло два пути: или ехать прямым путем через Чиназ Голодную степью, или проехать через Ходжент²⁰, Ура-Тюбе²¹ и Джизак²². Я избрал последний путь. Путь не новый,

¹⁵ Ташкент – старинный город в Средней Азии, в древности носил название Шаш (Чач), позднее – Бинкент. Входил в государство Мавераннахра, в том числе в Бухарское ханство, в XVII в. стал ареной борьбы бухарских узбеков и казахов Старшего жуза, в конечном счете одержавших верх. В начале XVIII в. казахи Ташкента признали зависимость от ойратского (западно-монгольского) Джунгарского ханства. В середине XVIII в. Ташкент представлял собой уникальное государственное образование, во главе которого стояло несколько аристократических родов; такая ситуация длилась до 1784 г., когда глава одного из них, Юнус-ходжа, захватил власть над городом и установил теократическую монархию. При преемниках Юнус-ходжи около 1809 г. Ташкент был захвачен Кокандским ханством, у которого в 1865 г. отвоёван М.Г. Черняевым. Черняев рассматривал вариант создания в Ташкенте «буферного» ханства, однако этому воспротивилось само население города, официально признавшее подданство Российской империи. С 1867 г. – административный центр Туркестанского генерал-губернаторства, а также входившей в его состав Сырдарьинской области (см. подробнее: [Соколов, 1965]).

¹⁶ Самарканд – один из древнейших городов Средней Азии, в древности именовался Мараканда. Являясь центром Согдианы, находился под властью тюркских каганатов, затем стал центром государств Саманидов и Караханидов. После недолгого пребывания в составе державы Хорезмшахов был в начале XIII в. завоеван Чингис-ханом и стал одним из центров Чагатайского улуса Монгольской империи. В конце XIV – начале XVI в. был одной из столиц государства Тимуридов, потом входил в состав Бухарского ханства. В 1868 г. был захвачен российскими войсками во время русско-бухарской войны. В течение нескольких лет рассматривался вопрос либо о возврате города бухарским властям, либо о создании в нем «буферного» ханства во главе с одним из оппозиционных представителей бухарской правящей династии Мангытов (предположительно – племянником эмира Музафара). Однако в 1873 г. вольным решением туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана этот вопрос был закрыт, и Самарканд официально вошел в состав России в качестве административного центра Зеравшанского военного округа (с 1887 г. – Самаркандской области) (см. подробнее: [История Самарканда, 1969; Дмитриев, 1969]).

¹⁷ Согдиана (Согд) – одно из древнейших среднеазиатских государств, существовавшее с начала I тыс. до н. э. до арабского завоевания в VIII в. н. э. Играло важную роль на Великом шелковом пути, из-за чего постоянно было объектом нападений со стороны соседних государств – персидской державы Ахеменидов, Кушанского ханства, Сасанидского Ирана, тюркских каганатов. Население в доисламский период исповедовало зороастризм, манихейство, христианство в его несторианском варианте. Название перестало употребляться в эпоху Саманидов, когда на смену ему пришло новое – Мавераннахр. От Согдианы сохранилось немало археологических, а также письменных памятников, свидетельствующих о высоком уровне ее развития (см. подробнее: [Смирнова, 1970]).

¹⁸ Мавераннахр – название, в X–XI вв. принятое в отношении территории, ранее именовавшейся Согдианой (Согдом), в качестве синонима в историографии применяется название «Трансоксиана». В Средние века регион находился под властью Саманидов, Караханидов, Хорезмшахов, в первой четверти XIII в. стал основой для Чагатайского улуса Монгольской империи. В начале XV в. власть в Мавераннахре перешла от потомков Чингис-хана к Тимуру (Тамерлану) и его наследникам, однако столетием позже, около 1500 г. Мавераннахр вернулся под власть потомков Чингис-хана. В XVI – начале XX в. регион был поделен между тремя среднеазиатскими ханствами – Бухарским, Хивинским и Кокандским (прекратило существование в 1876 г.). В настоящее время большая часть исторического региона Мавераннахр входит в состав Таджикистана и Узбекистана (см. подробнее: [Гафуров, 1989]).

¹⁹ Речь идет о державе Тимура (Тамерлана) и его потомков, в период наивысшего пика завоеваний (на рубеже XIV–XV вв.) включавшей в себя Среднюю Азию, Восточный Туркестан, Иран и ряд регионов Ближнего Востока. Однако уже после смерти Тимура, при его сыновьях и внуках империя распалась на самостоятельные государства с центрами в Самарканде (Мавераннахр) и Герате (Хорасан), вскоре, в свою очередь, разделившись на ряд удельных владений. Раздробленность помогла узбекам Мухаммада Шайбани (потомка ханов Золотой Орды) в начале XVI в. завоевать владения Тимуридов и создать на их основе Бухарское ханство.

²⁰ Ходжент (Худжанд) – древний город, основанный предположительно персидским царем Киrom Великим в VI в. до н. э. и долгое время являвшийся важным торговым и транзитным, а также культурным центром на Великом шелковом пути. В XVIII–XIX вв. входил в состав Кокандского ханства. В 1866 г. был захвачен войсками военного губернатора Туркестанской области Д.И. Романовского, став административным центром Ходжентского уезда (см. подробнее: [Усмонов, 2019]).

²¹ Ура-Тюбе – один из древнейших городов Средней Азии, под названием Истаравшан входивший в состав Согдианы,

почтовая гоньба по нем была устроена еще во время Военного Губернатора Романовского²³, и только по отдаленности (л. 2) этот путь не признан официальным.

На дворе уже стоял сентябрь на исходе, но дни были еще жаркие. В день выезда моего из Ташкента было довольно жарко²⁴.

Солнце пекло неимоверно. Над городом неподвижно стояли облака пыли. Выбравшись за черту садов, окаймляющих город, дорога полого спускалась к долине реки Чирчик²⁵.

Чирчик – небольшая горная речка в долине Чаткаля²⁶, в Боролдайских горах²⁷ и впадает в Дарью²⁸ близ Чиназа²⁹. (л. 2 об.) Вследствие быстроты течения реки у туземцев в обычае переезжать ее либо на заре, или под вечер. Мне пришлось переезжать речку около шести часов вечера, и вода в некоторых местах доходила по ступицу тарантаса. Выбравшись из воды, дорога некоторое время шла по гальке, потом перешла на шоссе, устроенное уездным начальником Кураминского уезда.

Дорога до первой станции Кара – (л. 3) Су³⁰ не представляет собой ничего особенно замечательного. Гладкая степная поверхность то и дело меняла свою физиономию от возделанных полей и небольших кишлаков³¹. Множество арыков, пересекающих окрестность, свидетельствуя о богатстве почвы, в то же время говорят за густое население края. Несколько курганов, как кажется, искусственных³², разбросаны в недалеком расстоянии от дороги.

За станцией Карасу, предшествующей урочищу Тойтюбе³³, у дороги возвышается довольно значительный (л. 3 об.) холм Чун-тепе. Против него, вдали, к северо-востоку тянется горный кряж, называемый туземцами Биляу-тур³⁴, опускающийся возвышенностью Кайнарим Сырт³⁵.

Мавераннахра и Чагатайского улуса. В период правления Тимура и его потомков переживает новый расцвет и получает название Ура-Тюбе. Входил в состав Бухарского ханства (являясь административным центром одноименного бекства) до 1866 г., когда был захвачен российскими войсками и включен в состав Российской империи в качестве районного центра (см. подробнее: [Мухтаров, 1964]). С 2000 г. вновь переименован в Истаравшан.

²² Джизак – важный торговый город на Великом шелковом пути, известный под данным названием в источниках не позднее X в. н. э. Входил в состав государств Караханидов и Хорезмшахов, в 1220 г. был разрушен во время похода Чингис-хана на Среднюю Азию. В XIV–XV вв. был отстроен и вошел в державу Тимуридов, позднее входил в Бухарское ханство, являясь столицей одноименного бекства. В 1866 г. был захвачен российскими войсками и вскоре стал центром Джизакского уезда (см. подробнее: [Маев, 1873 а]).

²³ Романовский Дмитрий Ильич (1825–1881) – российский военачальник и администратор, второй (после М.Г. Черняева) военный губернатор Туркестанской области (1866–1867). Несмотря на сравнительно короткое по времени управление Туркестаном, сумел укрепить российские позиции на вновь присоединенных территориях, включил в состав Российской империи такие стратегически важные города Кокандского ханства и Бухарского эмирата, как Ходжент, Джизак, Ура-Тюбе, Яны-Курган и др. Рассматривался как претендент на пост первого туркестанского генерал-губернатора, но вследствие интриг Черняева был вынужден покинуть Среднюю Азию, впрочем, получив назначение на пост начальника штаба Кавказского военного округа. Автор ряда научных и публицистических работ, в том числе «Заметок по среднеазиатскому вопросу» (1868) (см. подробнее: [Арендаренко, 1905]).

²⁴ Далее зачеркнуто: «в тени было 30°».

²⁵ Чирчик – река в Ташкентском (Кураминском) уезде, правый приток р. Сырдарья.

²⁶ Долина Чаткаля (Чаткальская долина) – долина, формируемая р. Чаткал – левым притоком Чирчика.

²⁷ Боролдайские горы (Боролдайтау) – юго-восточный отрог хребта Каратау.

²⁸ Имеется в виду Сырдарья.

²⁹ Чиназ – город на северо-востоке современного Узбекистана, являвшийся с раннего Средневековья (когда он назывался Чинанчикет) центром торговли между оседлым населением Средней Азии и кочевниками, населявшими Казахскую степь. В 1866 г. был захвачен российскими войсками Д.И. Романовского, по распоряжению которого здесь было возведено укрепление Новый Чиназ.

³⁰ Карасу (далее Ш.М. Ибрагимов в рукописи пишет именно так) – поселок в Ташкентском (Кураминском) уезде, где по распоряжению Д.И. Романовского была создана почтовая станция.

³¹ Здесь и далее в рукописи «кишлак» написан через «ы».

³² Так в рукописи.

³³ Тойтюбе – поселок на месте старинного города Нукет неподалеку от Ташкента. На территории древнего города велись раскопки, в результате которых было обнаружено множество памятников древней культуры (см. подробнее: [Массон, 1953]).

³⁴ Идентифицировать топоним не удалось.

Тойтюбе мне пришлось проехать ночью около 10 часов, и потому за темнотой я не мог хорошо разглядеть только что возникавшей столицы Курамы³⁶. Далее мой путь станции две прошел ночью, и я не в состоянии был ничего различить из окружающего; помню только, что между первой и второй (л. 4) станцией мне довелось ехать верст 10 по дороге, усеянной галькой. На огромном протяжении с северо-восточной стороны дороги тянулся футов 50 высоты длинный обрыв. На станции я узнал, что это обрыв реки Ангрэн³⁷, впадающей в Дарью. Весной и осенью эта речка, разливаясь на довольно широкое пространство, в состоянии оросить небольшое количество земель проводимыми из нее арыками.

К восходу солнца (л. 4 об.) дорога нас привела к весьма длинной группе гор, общего названия которых не все обитатели знают. Вопросы мои к ямщику, что это за горы и где станция, остались без ответа.

Для того чтобы попасть на станцию, пришлось объехать южную сторону горного кряжа верст на 15. Выбравшись на противоположную сторону, <я>³⁸ с напряженным вниманием следил за станцией. Испытавшись³⁹ прелести почтовой езды, должно быть понятно (л. 5) чувство проезжего, утомленного пятичасовой ездой⁴⁰. Версты за три до станции лошади мои совсем пристали⁴¹; пришлось послать за свежими лошадьми. Подобного рода приключения в Туркестанском крае не редкость. Сплошь и рядом на станции, когда запрягают, лошадей едва можно удерживать; с половины же пути лошади начинают приставать, а за версту-две и более до станции, где вот-вот (л. 5 об.) надеешься свободнее вздохнуть, лошади останавливаются, и никакими средствами не заставите их идти дальше. В таком положении приходится сидеть весьма долго, пока со станции заблагорассудят выслать лошадей на помощь. Этому удобству весьма много содействует и то, что расстояние между станциями, официально считающееся от 15 до 35, а в действительности выходит от 25 до 50 <верст>. Впрочем, подобную прекрасную перспективу не всем приходится испытывать, сильных (л. 6) мира сего⁴² возят не хуже, чем в России, по 10 и 12 верст в час.

Утомленный ожиданием возвращения ямщика, я отправился сам на станцию. На полдороге попались лошади, обязанные вывести мою фуру из заблуждения. Пока люди привезли ее на станцию, я успел уже ознакомиться с окрестностью станции. Джанбулакская станция⁴³, устроенная на разва(л. 6 об.)линах коканского⁴⁴ кургана, стоит в горах. С почтового тракта, проходящего у подошвы гор, за группой небольших гор ее совсем не видно. В настоящее время в Джинбулаке⁴⁵, кроме покинутого здания коканского пикета, в котором поместился станционный двор, никто не живет, хотя несколько одиноко растущих деревьев, а также высохших

---

³⁵ Идентифицировать топоним не удалось.

³⁶ Судя по контексту, речь может идти не о населенном пункте, а о местах компактного проживания кураминцев – особой этнической группы узбеков (со значительным казахским элементом), расселившейся в пределах Ташкентского уезда (кстати, первоначально он назывался именно Кураминским, как указывает ниже и сам автор) и сочетавшей в своем образе жизни элементы как оседлого, так и кочевого хозяйства.

³⁷ Ангрэн (Ахангаран) – река на территории Ташкентского (Кураминского) и Наманганского уездов, правый приток Сырдарьи.

³⁸ На тексте пятно от сургуча.

³⁹ Так в рукописи.

⁴⁰ Далее зачеркнуто: «постоянно спрашивающего ямщика, где станция».

⁴¹ В смысле «устали».

⁴² Далее зачеркнуто: «когда незначительный чиновничек проезжает в час на почтовых средним числом 5 верст, высших». Изначально, по-видимому, была попытка исправить «незначительный» на «простой», однако впоследствии автор решил вычеркнуть и остальное.

⁴³ Джанбулак, как следует из текста ниже, – место бывшего пограничного укрепления Кокандского ханства. В настоящее время – село Джан-Булак на р. Нарын, на территории современной Киргизии.

⁴⁴ Здесь и далее автор пишет «Кокан» и производные от него слова в соответствии с правилами написания того времени, а не «Коканд», «коканский», как принято сегодня.

⁴⁵ Так в данном фрагменте рукописи.

пней деревьев и следы небольших арыков ясно говорят о том недавнем прошедшем, когда тут было поселение. По (л. 7) словам ямщиков из туземцев, здесь во время коканского владычества был узбекский кишлак Джанбулак. Горный кряж еще недавно составлял в нашем административном делении границу Ходжентского и Ташкентского уездов. Ныне же, когда из Ташкентского уезда образовался новый Кураминский⁴⁶, Джанбулакские горы вошли в состав Кураминского уезда, а границей Ходжентского уезда назначена Сырдарья. Замечу, кстати, что это новое административное деление приш(л. 7 об.)лось далеко <не> по духу населению этой местности. По рассказу туземцев, Ташкент с кишлаками, лежащими по отрогу Александровского горного хребта⁴⁷, идущего к Дарье и известного у местных жителей под названием Джанбулакские горы, составлял район Ташкентского бекства и попеременно то находился под властью Кокана, то Бухарского эмира. От этих же гор начинался Ходжентский район, составлявший почти всегда часть Коканского ханства. (л. 8) Таким образом, с искони времени еще при азиатских владетелях обитатели кишлаков от Джанбулакских гор ведались с владениями Ходжента. Вследствие этого положения многие обитатели кишлаков десятками лет, заводясь хозяйством, поселялись сами в Ходженте, а сельское хозяйство свое вели по ту сторону Дарьи. В настоящее же время новое деление совершенно затормозило хозяйство. Многие из туземцев говорили, что прежде им очень (л. 8 об.) легко было ведать свои дела по бытности Ходжента; теперь же для решения дела надо ездить в Той-тюбу, резиденцию уездного начальника, отстоящую от них на 100 и более верст. «Прежде, – говорят они, – для того, чтобы внести подать или какое другое дело разобрать, нам достаточно было полдня, много – день, чтобы съездить в Ходжент и вернуться. Теперь же за пустым делом приходится тратить суток двое и более».

Подобное деление, конечно, не могло остаться (л. 9) бесследным и для хозяйства туземца. Настоящее положение поставило его в двойную зависимость. Первую – в отношении материального, т. е. в делах домашних⁴⁸, как то: приобретении разных вещей для домашнего обихода, а также сбыте произведения своего хозяйства, он вследствие географического положения и исторической жизни, заведенной предками, поставлен в зависимость от Ходжента. Для него съездить в неделю два-три раза на базар ничего не значит, дело обычное. (л. 9 об.) Вторую – в отношении административном он подчинен властям Той-тюбы, и потому теперь туземцу надо съездить и туда-сюда, а случись беда, что надо сделать неотложные закупки в Ходженте, в то же время его требуют в уездное управление. Что делать бедному поселянину, куда ехать? Два противоположных конца.

От Джанбулака до Ходжента считать два перегона, одна станция Мурзарабат⁴⁹. Выбравшись из гор, дорога вела по длине между двух горных отрогов – к северо-востоку тянулись Джанбулакские (л. 10) горы, которые, подходя к Дарье, переменяют свои названия сперва на Шах Сефид⁵⁰, потом на Сарамшак Дауан⁵¹ – прямо параллельно Дарье с запада на восток небольшим кряжем горы, называемой у жителей Дарьи по эту сторону реки Ходжент-Тау, а у жителей по ту сторону Дарьи – Могуль-Тау.

Приводимые мной в заметках несколько названий одних (л. 10 об.) и тех же гор делаются потому, <что> географические названия местности, которые приходится встречать на наших картах, весьма редко отвечают действительности. Странность эта, так резко бросающаяся в

⁴⁶ В «Проекте положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей» от 11 июля 1867 г. уезд носит название Ташкентского, однако в 1868–1887 гг. назывался Кураминским.

⁴⁷ В настоящее время – Киргизский хребет.

⁴⁸ *Изначально после этого было написано: «домашнего быта». Затем «быта» было управлено на: «обихода», однако и это слово было зачеркнуто.*

⁴⁹ Мурза-Рабат – станция в Голодной степи на пути из Ташкента в Самарканд, возведенная на месте развалин караван-сарая, построенного во второй половине XVI в. [Голодная степь, 1981, с. 10].

⁵⁰ Шах-Сефид (Шах-и Сефид) – наименование персидской части указанного горного хребта.

⁵¹ *Вычеркнут большой кусок.*

глаза при знакомстве с картами Средней Азии, объясняется отчасти небрежностью к работе и непониманием составителями карт условий страны. У среднеазиатца⁵² нет понятий «горный хребет», «горный кряж». На языке новых гостей долины Сырдарьи, тюркских (л. 11) племен, существует три⁵³ понятия о неровностях земли: сыр – возвышенность, тау – гора.

Дикий сын степей поражается не протяжением горного кряжа, а высотой, и потому название у него получает не хребет, а гора, и это название у него не общее для всех близживущих обитателей – нет, здесь у каждого барона своя фантазия, один или несколько кишлаков или род называют гору одним именем, другие – другим, а у иных вовсе нет названия для (л. 11 об.) горы, спросишь: «Как называется вот эта гора?» – отвечает: «Тау, а что за Тау, сам не знаю». Кроме приведенных двух названий горной группы на Дарье против Ходжента, Могуль-Тау и Ходжент-Тау, приведу еще одни горы, в которых стоит Джанбулакская станция; у туземцев – обитателей правого берега Дарьи <они> называются Джанбулакскими горами, а у жителей по ту сторону гор – Кураминскими⁵⁴, в некоторых же кишлаках не знают никакого названия этим горам.

(л. 12) Те же воззрения относительно гор имеют и аборигены страны – таджики. Так, на юге Ходжента тянутся горы, которые Картографическое заведение Ильина окрестило названием Кашгар-Даван. На самом же деле таджики и тюркские племена говорят, что Кашгар-Даванские горы начинаются от Оша к востоку. Горы же по сию сторону от этих мест не имеют общего названия. Всю горную страну этой местности называют тад(л. 12 об.)жика Кучи-стан (горная страна). Отдельные же возвышенности, точнее пики гор, имеют множество своих названий.

Весьма полезно было бы, чтобы ввиду сбивчивости существующих воззрений туземцев наши картографы при составлении карт приняли бы условно раз навсегда одни общие названия горным кряжам, хребтам и отдельным группам. Ведь есть же на картах хребет гор в Туркес(л. 13)<тан>ском крае, который идет к востоку от Аулие-Ата⁵⁵ и называется Александровским хребтом. Отчего бы всем горным группам и отрогам в крае не дать также своих названий. Предполагаемый способ переименования гор во многом был бы полезен, и тем более для официальной переписки. Эти названия много бы помогли ориентировке при изучении страны.

Добравшись к вечеру до станции Мурза-Рабат, последней станции к Ходженту, располо(л. 13 об.)женной у подошвы Ходжент-Тау или Могуль-Тау, заслоняющих Дарью и Ходжент от северных ветров, я торопился засветло доехать до перевоза на Дарье. До Ходжента считается 24 версты почтовым трактом. Прямым же, говорили мне туземцы, возможным для верховой езды, через горы, считают около 15 верст. Станция стоит одиноко в степи. Обитателей ее составляют одни ямщики, да казак – (л. 14)смотритель. Вблизи же от станции, верстах <в> 10–20, в горах лежат небольшие кишлаки узбеков и таджиков. Мурза-Рабат построен до прихода русских в край и, как указывает самое название, с целью доставить отдых и воду проходящему каравану. Еще и поныне у станционного двора сохранилось четырех – не то восьмиугольное здание в виде башни, в котором вместо дверей по сторонам четыре стрельчатые ар<ки>. В Средней Азии и вообще на всем мусульманском Востоке (л. 14 об.) по большим караванным дорогам всегда можно встретить не один рабат, а бесчисленное множество, и большая часть из них построена частными лицами для проезжающих. Корень этого обычая лежит в духе самой религии ислама. По его учению, каждый правоверный обязан между своими делами не забывать и богоугодных дел, в числе которых считается добрым делом постройка по караванным дорогам для проезжающих постоялых дворов, колодцев и т. п. Мне кажется, что (л. 15)

---

⁵² Так в рукописи.

⁵³ Так в рукописи.

⁵⁴ Кураминский хребет на северо-западе Ферганской долины.

⁵⁵ Аулие-Ата – современный город Тараз на юге Казахстана.

обычай строить подобные здания хотя и освещен мусульманским законом, но он не ему принадлежит. Начало его надо искать в языческой религии семитических⁵⁶ и арийских народов. Постройка рабатов была у персиян, евреев и арабов, у них она вызвана географическим положением их страны, изобилующей безводными и безлюдными степями⁵⁷. Мусульманство, поглощая все бесследно, приписало и себе это дело. Когда и кем построен этот (л. 15 об.) Мурза-Рабат, по развалинам сказать весьма трудно, нет никаких следов надписей. Судя по кладке здания, сложенного из жженого кирпича, ему можно дать лет триста, если не более. Обычай таджиков строить на караванных дорогах рабаты, встречаемый почти по всему Туркестану, привился и к кочевому населению края, составляющему совсе<м> другую расу – тюркскую. Мне нередко приходилось встречать в степи между Оренбургом и Чимкентом рядом с (л. 16) кладбищем небольшую саклю с двором или без оногo и тут же колодезь. Гостеприимство кочевников в этих странноприимных домах доходит еще дальше. В каждой сакле, состоящей на лето из одной комнаты, я находил в углу небольшой очаг с вмазанным в него чугунным небольшим котлом и тут же вблизи полуразвалившийся шкапик около аршина вышины с несколькими деревянными ложками и таковой (л. 16 об.) же посудой. Правда, что все это нечисто, но всякий путник и за это уж благодарит правоверного. Нередко приходилось видеть, что пилигримы и другие путники по несколько дней проводили в этих приютах. Постройки эти весьма уважаемы в народе. Они почитаются наравне с мечетями, и осквернение их считается великим грехом. Как ни возносились мы над простою Средне-Азией⁵⁸, над грубостью ее (л. 17) нравов, а не грешно было бы и нам в этом случае взять пример с полудикого степняка Средней Азии, в особенности ввиду самого безотрадного положения люда, проезжающего степь Оренбургского ведомства. Не басни, сказки пишет бедный русский люд, проезжающий на службу в Туркестанский край: зимой негде отогреть окоченевших от холода рук, просушить мокрое платье.

Дорога от Мурза-Рабата к Ходженту, пере(л. 17 об.)секая в нескольких местах сплошные полосы в сажнях 10 и более гальки идущих от северо-востока гор, огибает дугой Могуль-Тау и выходит к Дарье у самой середины подошвы этих гор, против Ходжента. Было уж очень поздно, когда я подъехал к Дарье. Несмотря на все желание, когда переводили паром с одного берега на другой, нагруженный моим тарантасом, я не мог рассмотреть расположенный по ту сторону Дарьи Ходжент. Густая (л. 18) полоса садов, скрывающая под свою тенью Ходжент, в темноте слилась в одну массу, и сквозь мрак казалось, что город завешан черной фатой. Нигде не видно было ни одного огонька, все спало глубоким сном. Лишь изредка эта мертвая картина оглушалась⁵⁹ протяжным, пронзительным воем собак то в одном, то в другом конце города.

На другой день я отправился осматривать город. Внешний вид Ходжента не (л. 18 об.) бросается особенно в глаза. Расположенный на правом берегу Дарьи-Сыра и закрытый сплошной массой садов, он замкнут для глаза туриста. По левую сторону реки его скрывает от путешественника Могуль-Тау, простирающийся верст на 18 вдоль берега реки, а с правого берега – близ самого города⁶⁰. Это положение между гор, защищающих го(л. 19)род от ветров, закрепило за Ходжентом между туземцами славу города вечной весны. Зима, по рассказам русских, бывает здесь самая короткая, месяца два, не более, и то проявляется она только в дождях, и редко выпадает снег. В феврале, иногда немного раньше уж завязываются почки на деревьях, а в марте – весна во всем блеске. Летом, говорят, жара бывает несносная. Долгое время после захода солнца воздух стоит удушливый⁶¹. Это объясняют тем, что (л. 19 об.) Могуль-

---

⁵⁶ Так в рукописи.

⁵⁷ Последнее слово зачеркнуто. Видимо, была попытка исправить его на «пустынями», но начало надписанного слова также зачеркнуто.

⁵⁸ Так в рукописи.

⁵⁹ Так в рукописи.

⁶⁰ Далее зачеркнуто предложение.

⁶¹ Начиная со следующего предложения и далее на л. 19 об. – 20 текст, по-видимому, зачеркнут ошибочно, поскольку

Тау, представляющий совершенно голый <камень?>, заслоняя город от северных ветров <с> сильно накопившимся за день дождем, отражает жар. Вообще <в> летние месяцы, по словам туземцев, здесь приходится очень трудно, в это время здесь появляются болезни. Так, мне рассказывали, что в июне – не то в июле-месяце бывают дни, в которые жители ходят с повязанными головами, весь базар собирается с повязкою на головах (л. 20) по случаю общей головной боли. Этим рассказам о жаре в его последствиях едва ли можно не верить. Мне пришлось пробыть в Ходженте проездом более недели. В это время на дворе был сентябрь, жара никогда не спадала ниже 25° на солнце, несмотря, что в то же время почти постоянно изо дня в день дул ветер с гор. Сады Ходжента, ревниво скрывая его под своею⁶² тенью, местами по берегу реки, местами выказывают свои привлекательные домики. (л. 20 об.) Надо заметить, что большинство этих домиков принадлежит русской колонии. Туземцы обыкновенно, обратно нашей привычке строить свои дома вперед, не скрывая их в деревьях, делают свои сакли по преимуществу между деревьями. По обычаю каждый из домохозяев заботится осадить свою хижину несколькими деревьями. Обычай этот хотя и достойный подражания, но внешней видимости туземным домам (л. 21) он не дает, глиняный цвет поглощает весь вид дома. Говоря вообще, постройка домов у туземцев не отличается по архитектуре внешним видом. На всех домах лежит один колорит. Даже такие дома, как дома бывших властей, крепость, дом бека, почти ничем не отличаются от сакли любого горожанина. (л. 21 об.) Для лучшего знакомства с городом я забрался в крепость, расположенную у самой Дарьи. Цитадель Хаоджаха⁶³ построена на довольно высоком искусственном холме. Землю для холма, как надо полагать, взяли тут же, сбоку. На выбранном месте стоит бывший бекский дом, занятый ныне уездным начальником, а рядом с ним выстроена небольшая церковь. Через площадь сто(л. 22)ит довольно порядочный базар. Ходжент во внутреннем устройстве ничем не отличается⁶⁴ от других среднеазиатских городов⁶⁵.

Отсюда я отправился верхом, другого способа езды в Средней Азии <нет>, знакомиться (л. 22 об.) с туземными властями⁶⁶. Первый мой визит был к достаточному Мулле Н...⁶⁷ Происходя из среды народа из таджиков, добрый старик крепко привязался к русским и твердо стоит за наши интересы, за что, говорят, не все в народе одобряют его, но старик неуклонно идет своей дорогой, и благодаря громадному значению в простом классе его руками или, точнее, его примером многие из туземцев на(л. 23)чинают исподволь нам подражать. Привожу случай, которому сам был я свидетель: признавая преимущество наших печек в домах <над> устраиваемыми у них в домах во время холода очагов для угля горящего, старик настойчиво просил г. Кушакевича⁶⁸ дозволить ему привести туземных мастеров поучиться у наших кладке печей. Не знаю, чем окончилось желание Мулла-Назара, но я вполне уверен и могу вперед сказать, зная (л. 23 об.) восприимчивость среднеазиатских мастеров, что они весьма скоро усвоят себе наше искусство. И, даст бог, настанет скорое то время, когда туземцы постигнут наши удобства,

---

рядом с ним на л. 20 стоит пояснение: «Надо».

⁶² В рукописи слово зачеркнуто.

⁶³ Имеется в виду Ходжентская крепость, основанная в VI–V вв. до н. э. Была разрушена во время нашествия монголов (1219–1220 гг.), впоследствии, в XV в., восстановлена.

⁶⁴ В рукописи: «не отличаюсь».

⁶⁵ Далее вычеркнуто, после попыток редакции, целый абзац.

⁶⁶ Изначально было: «владениями». Речь идет о представителях местного самоуправления.

⁶⁷ Изначально было: «Мулле Незару».

⁶⁸ Кушакевич Аполлон Александрович (1827–1882) – председатель комиссии по организации Ходжентского уезда (1866), впоследствии первый его начальник (1867–1871), затем – начальник Сергиопольского и Верненского уездов в Семиреченской области, в 1875–1876 гг. – временно исполняющий обязанности ее военного губернатора. На посту ходжентского уездного начальника осуществил ряд поездок по территории уезда, посетив все его населенные пункты, составив карту и описав этот уезд, в том числе его историю и топографию, в специальном исследовании [Кушакевич, 1871], а также в ряде публицистических текстов. См. также: [Махмудов, 2019, с. 93; Усмонов, 2019].

увидят, что мы пришли, как они думают, не для войны. Только одно надо терпение и большое терпение. Многие туземцы отлично сознают всякое значение этого слова, и вот пример: как-то вечером кружок ходжентской молодежи, в числе которых (л. 24) был и Мулла-Назар, напали на старика за то, что туземцы медленно подвигаются под влиянием принесенных нами идей. Много спорили, голоса были <за> и против, старик <наконец>, долго наскучив слушать, <сказал>: «Зачем вы все говорите скорее? Так нельзя, всякое дело надо делать потихоньку, разом все невозможно, сегодня мы привыкнем к одной вещи, завтра – другой, <на> все надо время»⁶⁹. Приведенные слова не (л. 24 об.) подлинные, они <отражают мысли> Мулла-Назара, я их <передал>, но с строгою последовательностью слов старика, <и> не нуждаются в дополнениях.

Сакля, или, по-таджикски, хаулиэ, Мулла-Назара находится в городе. Дорога к нему <идет> через базар. Базар ходжентский ничем не отличается от таковых же в других городах.

<Описывая> базар Ходжента, приходится описывать в то же вре – (л. 25) мя базары почти всех среднеазиатских городов. По обе стороны улицы – длинный ряд лавок. По роду торговли лавки среднеазиатца разделяются на две части: на продающие произведения, <которые> получают из садов, огородов и вообще извне, <и лавки> с произведениями самих торговцев. В этом, последнем случае лавки обыкновенно между (л. 25 об.) делом мастер торгует. Сюда же к нему заходит поболтать о базарных новостях <всякий> правоверный. В этой группировке промышленности достойна внимания особенная черта среднеазиатского ремесленничества. Каждая отрасль производства, например хоть седельное, имеет нескольких мастеров: один приготавливает уздечки, подпруги и т. п. (л. 26) вещи, другой – потники, третий – орчаги⁷⁰ и т. д. При этом, по воззрению туземца-усты (мастера), ремесло составляет исключительную родовую собственность его потомства, переходящую от сына к сыну. Обычай этот так крепко вошел в жизнь и родовой быт их, что трудно отыскать здесь исключения. Эта преемственность ремесла ведется не только между одними промышленниками, но и между грамотным людом: улемами⁷¹ и духовенством (л. 26 об.) вом. Отец – мирза⁷² или улем, и потомство идет тем же путем. Насколько глубоко пустил корни этот обычай в народе, можно судить из того, что почти каждый среднеазиатский ремесленник, кроме имени, имеет еще прозвище по роду ремесла.

Вследствие такого деления бросается в глаза строгая разграниченность предметов торговли, господствующая здесь в городах. Всякий вид промышленности имеет свои (л. 27) участки. В одном месте группируется продажа всех товаров, необходимых для верховой езды, в другом – железных изделий, в третьем – продажа москательных товаров и т. д. Оптовая продажа большею частью сосредоточена в некоторых караван-сараях, и по виду продажи называются сараи. Площади и площадки между лавок носят совершенно домашний характер. Тут рядом с представителями почти всех родов мелочной торговли встречаете сидящего каушдуза⁷³ и мусадуза⁷⁴, починяющего обувь правоверного, расположившегося близ мастера, или увидите голову другого правоверного над бритвой с самодовольной физиономией. В другом конце – сидящего с поджатыми ногами перед небольшой жаровней кобобчи⁷⁵, усердно изготавливающего на коротеньких железных прутьях кябаб для ожидающих кругом его или же разносчиков лепешек, халвы и т. п. мелочи.

⁶⁹ Предложение не окончено и восстановлено нами. – М. К., Р. П.

⁷⁰ Орчаг, т. е. арчак, – деревянная основа седла.

⁷¹ Улемы (улама, ед.ч. «алим», букв. «знающие») – знатоки шариата, признанные специалисты по мусульманскому богословию и правоведению.

⁷² Мирза («эмир-заде») – изначально представитель знати в Иране и тюркских государствах Центральной Азии. В данном контексте – писец, секретарь, мелкий чиновник.

⁷³ Кафшдуз (тадж.) – сапожник.

⁷⁴ Музадуз (тадж.) – сапожник.

⁷⁵ Кобобчи (узб.) – шашлычник.

Кроме означенных (л. 28) кябабчи, почти в каждом ряду находится одна или две лавки поваров <...>, снабжающая тут же публику⁷⁶. <Перед лавкой устроена небольшая плита из сырца>⁷⁷.

В обыденной жизни среднеазиатца <чай> играет весьма важную роль. Введение в употребление его туземцы приписывают жителям Туркестана⁷⁸. (л. 28 об.) Обычай пить чай, замечу между прочим, <как> утверждают среднеазиатцы, <пришел> сюда, по словам стариков, не более ста лет <назад>; наш вечный спутник – русский самовар первые⁷⁹ показали между среднеазиатцами лет пятьдесят-шесть (л. 29) десят <назад>, не более⁸⁰. По словам стариков, первое время самовары имелись, напр<имер>, в Самарканде у двух-трех богатых людей; самовары часто в настоящее время мелькают на всех перекрестках. В чайных лавках самовар всегда красуется на самом видном месте, его можно приметить <...> с улицы, за наружной <витриной? стоит> самовар; имеется еще отдельная одна и иногда две комнаты. Убран(л. 29 об.)ство их самое простое: пол, устланный кошмами и иногда коврами. В подобного рода лавках, кроме чая и чилима (кальяна), ничего не продается. Тут в отдельных комнатах весьма часто по вечерам свободные туземцы устраивают себе тамашу – увеселение, состоящее из пения, инструментальной музыки и пляски бачей⁸¹. При большей части <увеселений ставят?> самовар, <у которого> (л. 30) находится непременно один бача для приманки публики. Кроме отдельных лавок самоварчи⁸², готовым чаем торгуют и мелкие торговцы фруктов. Несмотря на такой небольшой срок – около <полувека>, чай приобрел себе здесь весьма большое развитие, ни одна беседа, ни одна сходка двух-трех лиц не обходится без того, чтобы <поставить> фарфоровый чайник с чаем и вместо стаканов чашки (л. 30 об.) немного меньше наших полоскательных. Чай пьется обыкновенно без сахару⁸³.

Выехав из базара и проехав еще несколько переулков, мы добрались до квартиры почтенного Муллы Назара. Хозяин дома принял нас весьма любезно. Вечер был теплый, мы уселись на террасе, устроенной у стен дома, перед нами не замедлили явиться, по туземному обычаю, тарелки с (л. 31) сладостями, свежие фрукты и, наконец, знаменитый спутник всех азиатцев – пелау⁸⁴, прелесть постоянных мечтаний правоверного.

Как ни любезен был нам хозяин, но, надо сказать правду среднеазиатцу, пелау далеко ниже своего <родственника->плова, приготавливаемого за Кавказом. Среднеазиатский пелау <делается из> риса, мелкокрошенной моркови <...>⁸⁵.

Меня любезно(л. 31 об.)сти персидского красноречия с хозяином, который познакомил нас с своим семейством, т. е. с одними сыновьями и другими мужчинами-родственниками, мы не заметили, как наступила ночь; пора было ехать домой.

Ввиду глубокой древности Ходжента, если не настоящего, то <того,> который <ушел?> в землю под нынешней или (л. 32) близ него построенной, о нем говорится <у> Ариана, историка походов Александра Македонского в <...>, а также <есть> и предположения некоторых ученых, что Александ<ром> Макед<онским> построен близ Ходжента город, названный им

⁷⁶ Предложение не окончено и восстановлено нами. – М. К., Р. П.

⁷⁷ Предложение восстановлено нами. – М. К., Р. П.

⁷⁸ Далее предложение обрывается, и затем оставлено пустое место размером примерно в одну треть объема страницы.

⁷⁹ Возможно, имеется в виду «впервые».

⁸⁰ Предложение восстановлено нами. – М. К., Р. П.

⁸¹ Бача (батча, бача-бази; тадж. бача – мальчик) – мальчик-артист в Центральной Азии, выступавший с женскими номерами, а также нередко использовавшийся в целях детской проституции. Здесь и далее в рукописи – батча. Однако уже тогда было принято написание без «т».

⁸² Букв. «самоварщика».

⁸³ Абзац реконструирован нами. – М. К., Р. П.

⁸⁴ Пелау – плов.

⁸⁵ Предложение не окончено.

Александрия⁸⁶. Все время своего пребывания в Ходженте я употребил на то, чтобы узнать или отыскать хотя слабый след глубокой (л. 32 об.) старины, но, увы, все было тщетно. Не находя ни одного намека о древней Александрии, я как последнюю надежду искал указания хотя на те жертвенники, <которые> устраивал Александр на рубеже своих походов в честь Юпитера, но и тут расспросы мне мало исполнили. Все слышанное <мною было>, что там <где-то> (л. 33) далеко, близ Ута⁸⁷, есть какие-то развалины, но так как это далекое пока нам недоступно, то приходится удовлетвориться хотя приведенными скудными сведениями. Я заметил, что все <поиски> древней истории Ходжента остались для меня тщетными и что причина этому – настоящий отживший или, точнее, вымирающий образ (л. 33 об.) жизни и понятий туземца. Заключение это не есть результат знакомства с туземцем в отношении его природы, напротив, следует заметить, что туземец <...> Впрочем между ними различие «оседлый – кочевой» далеко не тот <же самый> народ. Я глубоко убежден, что <...> двух народностей нашей кочевой как меньше испорченным, а потом с оседлым можно смело предсказать возрождение. (л. 34) Изучите поглубже его натуру, сумеете схватить слабые стороны, и много десятков лет господствующая апатия исчезнет между ним. Кочевник – это полное дитя приходится <...> с хорошими душевными качествами способное и могущее на многое, весьма понятное. В оседлом другое: здесь необходимо <внедрение> гуманных отношений <в сознание> нового поколения, возросшего (л. 34 об.) на наших глазах, нельзя отрицать, что <между> настоящим поколением есть <много людей>, смотрящих на нас не так дурно, как это <кажется> многим⁸⁸.

По <словам> стариков, у иных Ходжента основание города относят к одной из дочерей Ноя. Принимая же в основание <вторую?> сторону, название города, мне кажется, основание будет, что по обитателям своим <...> была <...>⁸⁹

(л. 35) Ходжа-город получил название Ходжакент, т. е. Ходжи-деревни, и это название города должно быть отнесено ко времени распространения здесь мусульманства. Предположение мое подтверждается еще следующими историческими и расспросными данными. По письменным <свидетельствам> и по сохранившимся в Ходженте могилам первых проповедников ислама на этой окраине Ходжа – (л. 35 об.) Бакиргана и Ходжа-Сонк, мусульманство укрепилось здесь во второй половине первого столетия гиджры, и их последователи приняли звание ходжей, и <потому> в этом месте от них город и получил свое название. То же самое говорят туземцы. По их словам, ходжентцы – потомки приведенных <мусульман> и до покорения города торкским⁹⁰ народом каждый из жи(л. 36)телей носил титул ходжи, с этого же времени те из них, которые заняли придворные должности при дворах тюркских владетелей и с ними породнились, вместо титула ходжей получили другое – ак-суек, т. е. белая кость. За это предположение говорит еще одно обстоятельство. По туземным показаниям, настоящий город новый, построенный (л. 36 об.) близ старого, следы которого подтверждаются еще и наход<кой> при рабатах жженого кирпича. Название этого старого города никто из туземцев не знает, так как в этом отношении <нет> зданий, сохранившихся несколько сот лет, все они совершенно <новые>, замечательна только древность, площадь, занятая под зданием, и связана <ное> с (л. 37) ним имя основателя⁹¹. Так, в Ходженте считают самую древнюю Медреси⁹² Шейх Маслехетдин. Время основанию этого высшего училища, а не постройки настоящего

⁸⁶ Имеется в виду Александрия Эсхата (Крайняя), впоследствии поглощенная Ходжентом. Предложение реконструировано нами. – М. К., Р. П.

⁸⁷ Идентифицировать топоним не удалось.

⁸⁸ Восстановить смысл высказывания из-за большого числа лакун затруднительно.

⁸⁹ Предложение не завершено.

⁹⁰ Так в рукописи.

⁹¹ Предложение реконструировано нами. – М. К., Р. П.

⁹² Так в тексте. Документ переписывался начисто, по-видимому, кем-то из служащих и изобилует орфографическими вариациями при написании одних и тех же терминов. Некоторые знаки препинания добавлены нами по смыслу. – М. К., Р. П.

здания считают 500 лет назад, и это одно только древнее здание. Кроме этого медресе и места, еще два медресе, но не так старые: <1> медресе Ак-Бугиэ строят 115 лет, говорят, начало этому <строительству положил> (л. 37 об.) прадед Гафар <...> (владельца <...>), а окончил Изат Аим. В нем строится 28 комнат для студентов; и 2) медресе Ак-Бугиэ-беги построено поколением перво<поселенцев> города Ходжента, имеет 23 комнаты, 2 профессоров; и 3) <...>⁹³ Эти три медресе построены из жженого кирпича, но, кроме того, есть еще три медресе из сырца.

(л. 38) Говоря о зданиях Ходжента, замечу, что в городе имеется 6 медресе, до 30 мектеб-хане (школ) и до 15 бибиатун (гувернанток, или, точнее, учительниц), дающих уроки девочкам у себя на дому.

Между публичными зданиями Ходжента нельзя указать ни одного, которое бы заслуживало внимания в архитектурном отношении. Кроме трех этих зданий (л. 38 об.), <прочие> здесь мало отличаются от сакли туземца, и причина этого та же самая, <и если> есть что интересного в них, то это не время основания, что и для других городов Средней Азии⁹⁴.

Крайняя бедность в древних зданиях в городах Средней Азии объясняется тем, что города, переходя весьма часто из рук одного хана к другому, обыкновенно при этих случаях подвергались самым ужасным бедствиям: часть жителей по обыкновению истреблялась, часть уводилась в плен, <здания>, невзирая на их <историческое> значение, превращались в груды развалин⁹⁵.

Народонаселение Ходжента исключительно состоит из таджиков, которых мы, русские, окрестили тюркского племени сортами⁹⁶. В Ходженте, благодаря его географическому положению, (л. 39 об.) между гор, таджикское племя, несмотря на великое движение тюркского племени в <местностях по?> Сыр-Дарье и Амур-Дарье⁹⁷, до сих пор не только удержало за собой господствующее право как <хозяев> страны, но подчинило своему нравственному влиянию кочевников.

Говоря о таджиках как <хозяевах> страны, необходимо сказать несколько слов о делаемой ошибке всеми корреспондентами и путешественниками Туркестанского края. По словам помянутых лиц, <основную> массу населения новоприобретенного края составляют таджики и сарты. Деление это показывает полнейшее незнание⁹⁸ страны.

Путешественники забывают главную роль в Средней Азии больше смотреть, слушать и меньше спрашивать. Стано<вьясь> (л. 40 об.) на ложную точку, наши <власти?> разделили один и тот же народ, но приведенные народности возражением создали себе два языка: таджикское наречие персидское и сартовское – тюркское.

Странствуя по Туркестану и проводя почти все время между туземцами, народонаселение края мне представляется в следующем порядке. Первобытные обитатели страны, (л. 41) т. е. <aborigeny?>, были таджики или таты⁹⁹.

Племя это одного происхождения с персами (состоящие из <...>). Крайним пределом их распространения было к северу <...>¹⁰⁰

<...> скрылись в городе, часть же безусловно подчинилась новым завоевателям, осталась в городах. Въезжая в Туркестанский край, таджики встречаются в Туркестане затем

⁹³ О третьем медресе ничего не написано.

⁹⁴ Предложение реконструировано нами. – М. К., Р. П.

⁹⁵ Предложение реконструировано нами. – М. К., Р. П.

⁹⁶ Так в рукописи.

⁹⁷ Так в рукописи.

⁹⁸ В рукописи: «название». По-видимому, ошибка переписчика.

⁹⁹ Таты – народ персидского происхождения, предки которых поселились в Закавказье и Средней Азии еще в эпоху Сасанидов, т. е. в раннем Средневековье. Здесь, вероятно, Ибрагимовым указана ссылка на литературу: «Борш 370».

¹⁰⁰ Предложение не окончено.

в последующих породах, они уже составляют главную массу населений <...> сартов <...>¹⁰¹ Что таджики – <аборигены> страны, кроме целого ряда ученых исследований, наглядно доказывают то же самое и названия городов, и этнографические свойства страны. Дикое кочевое племя тюркское, не видевшее, кроме кибитки, (л. 42) ничего <иного>, отнеслось сперва враждебно к горожанину-туземцу, имеющему сравнительно больше удобств для жизни <...> само стало вместе с сим на его старом пепелище и как бы в удовлетворение уступки <...> По словам узбеков, кочующих по ту сторону Дарьи, слово «сарт» <...> на их языке <означает> ростовщик и лихоимец. Я говорю о существующем (л. 42 об.) в толковании по ту сторону Дарьи, по эту же <...> преимущественно тюркскими племенами. Название «сарт» было господствующее только по левому берегу Дарьи, по другую же сторону Дарьи оно перешло вместе с нами. Могу указать не на единицы, а сотни обитателей правого берега Дарьи из таджиков, говоривших, <что> про слово «сарт» они впервые услышали в разговорах с русскими, но не первые назвали их (л. 43) этим именем. Самый язык таджиков, как сказано, есть наречие персидского, хотя ни один туземец не скажет, что он говорит по-персидски, а всегда ответит, что говорит по-таджикски. При этом мне кажется также ошибочным мнение путешественников, что между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей большинство населения тюркского племени, – наоборот (л. 43 об.), масса таджикского племени, не говоря о живущих в городах, где они составляют, видимо, господствующее население, составляет не более то¹⁰² верховной пропорции с тюркским племенем¹⁰³.

Составя себе приблизительное понятие о Ходженте, я отправился в окрестные горы, в тот заколдованный мир далекого прошедшего, которое мне описывали туземцы (л. 44) в виде подземных железных ворот на самых высоких скалах Могуль-тау¹⁰⁴. Одним словом, население <...> чудными рассказами о прошедшем Ходжента и <...> мест в надежде найти следы древней Александрии я горел нетерпением видеть слышанное. Благодаря любезному сочувствию или, точнее, горячему участию <...> Кушакевича, моему же (л. 44 об.) ланию недолго пришлось ждать: на другой день был снаряжен небольшой верховой караван, в котором и он сам принял участие. Около 8 часов утра партер наш в составе топографа <...>, двух вожakov и нескольких казаков конных <подошел> к переправе. Полуденное солнце умеренно грело тихий бестолковый воздух. (л. 45) Дарья противу обыкновения спокойно несла свою мутную воду. Цель нашей поездки составлял горный кряж Могуль-тау, по вершине которых, по рассказам туземцев из окрестных кишлаков, есть надписи. Не находя возможным по весьма сбивчивым рассказам туземцев ориентироваться в указываемой местности, мы взяли с собой вожака. Собравшись по ту сторону Дарьи, караван наш <...> во главе двинулся к <...> Могуль-тау. Проезжав¹⁰⁵ <...> версты (л. 45 об.) три-четыре по берегу реки, дорога против самой цитадели повела нас верст 10 вверх на север <в> предгорье, мы повернули к востоку и в этом направлении подымались все выше и выше. Достигнув одной из самых высоких вершин кряжа, около 30 000 футов над поверхностью моря, озаряясь¹⁰⁶ кругом, мы очутились <возле> Мурза-Рабата, стоявшего у подошвы гор. В досаде, что вместо возможности проехать более удобным и ближайшим пу(л. 46)тем мы должны были сделать несколько горных перевалов, первый вопрос наш был к вожаку, указывая на станцию:

– Это что?

– Мурза-Рабат.

¹⁰¹ Предложение не окончено.

¹⁰² Так в рукописи.

¹⁰³ Так в рукописи.

¹⁰⁴ Написано не вполне разборчиво из-за множества исправлений.

¹⁰⁵ Так в рукописи.

¹⁰⁶ Так в рукописи.

- Отчего же ты не провел нас другой дорогой, когда есть гораздо короче?
- Я этой дороги не знаю. Меня провели пройденным путем.
- Да понимаешь ли ты, что через Рабат ближе?
- Не знаю, говорят, что дальше.

Солнце быстро шло (л. 46 об.) к закату, и во избежание, чтобы засветло выбраться из скалистых тущоб, мы на рысях поспешили к цели, которая ясно рисовалась нам в близкой перспективе¹⁰⁷. В виду Рабата мы повернули по направлению к юго-востоку. Около 5 часов мы были на месте. <...> к высокому скалистому обрыву указал мне на царапаную на <утесе>, покрытом мхом, арабскую надпись.

Отдав ло(л. 47)шадь, я немедленно полез на вершину, для того чтобы снять копию надписи, так как снизу не было возможности что-либо разобрать. После небольших гимнастических упражнений мне удалось достигнуть цели: стать в уровень на самом близком расстоянии к надписи. Лучше бы не было этого момента. Все мои надежды были безжалостно разбиты вдребезги. (л. 47 об.) Я очутился лицом к безграмотной каллиграфии, какого<– то> современного <...> фанатика-узбека. Расстроенное воображение дикого козла этих мест нацарапало на гладкой стороне утеса самым простым почерком: «Нет Бога кроме Бога, Магомета посланника Божьего. Работа Мир Масхуде во время Сафарэ (месяц) 814 года»¹⁰⁸. Кругом этой пресловутой надписи и на близлежащих <утесах> были нацарапаны (л. 48) тамги узбекские, то в виде козла, барана, то в виде верблюда или человека. Все это сделано в самом грубом виде, не только догадка в состоянии определить смысл черточек праведных для тамги. Сажень дальше камни с надписями на другом месте в одной высоте. С первого есть надпись «1275 г.» (1858 г.). За неимением ничего лучшего, списав приведенную надпись и бесполезно побродив около (л. 48 об.) в надежде отыскать что-либо более интересное, мы пустились в обратный путь другой дорогой: прямо перевалом через горы против самого Ходжента. Казавшийся нам близким путь застали <...>¹⁰⁹ Ночь застала нас еще на самых вершинах гор, <стремясь> выбраться отсюда до восхода луны, мы поехали прямо без дороги. Пройдя самый высокий (л. 49) горный перевал в страхе каждую минуту ринуться вниз через голову коня на душе <...>¹¹⁰ Когда с высоты едва ли не 2000 футов сквозь ночную темноту вдали мы заметили сверкавшие местами огоньки в Ходженте. Казалось, вот-вот сейчас – и дома, но, увы, этой <мечте> пришлось осуществиться <спустя> 5 часов самой отвратительной езды, пришлось спускаться на долину. Кругом в ущельях темно, (л. 49 об.) гранитные глыбы камней, там и сям торча над нами зубчатыми формами, отбрасывали какую-то <...> мрачную тень, казалось, все дивы азиатской демонологии вышли из своих нор и тущоб, чтобы мешать нашему возвращению. Порой местами тени сплетались между собой, заставляли нас принимать их за ворота создателя природы¹¹¹ (?) между (л. 50) отрогами. Желая скорее <выбраться> из этого лабиринта, мы подходили к ним и, к горькому огорчению, встречали гранитный завал, образовавший <...>, должны были возвратиться опять на <...> Проблудив описанным путем, пока не взошла луна, мы, наконец, <...> заметили довольно широкую тропу, извивавшуюся к долине. Став на этот путь, мы весьма скоро (л. 50 об.) выбрались к перевозу. В ожидании парома мы подъехали к дереву, у которого находится мазарка и родник. Громадное дерево в обхват сажени четыре, однако, по словам туземцев, более ста лет растет у подошвы голого Могул-тау. Народная фантазия, говоря, что это дерево было посажено зятем пророка¹¹², связала вместе с ним довольно интересную (л. 51)

¹⁰⁷ Так в рукописи.

¹⁰⁸ Соответствует июню 1411 г.

¹⁰⁹ Предложение не окончено.

¹¹⁰ Предложение не окончено.

¹¹¹ В рукописи: «природой».

¹¹² Имеется в виду Али, двоюродный брат и зять пророка Мухаммада, четвертый праведный халиф (656–661).

легенду о самых горах Могул-тау, приписываемых к гранитной формации. Говорят, что давно, несколько лет назад, пожалуй и 1000-летьи, эти горы были покрыты самой тучной травой; скот, побывавший здесь дня три, возвращался до безобразия потолстевшим; говорят, что у пророка Алиа, жившего в Ходженте, была замечательная лошадь. На ночь <он> привязывал ее у этого дерева. Некоторое время <спустя> Алиа¹¹³ стал замечать, что его лошадь постоянно ночью, срываясь от коновязи, убегала в ближайшие горы пастись. Али, разгневанный тем, что нет ни на кого возложить <обязанность> удержать лошадь, стал молить Бога о наставлении его, как поступить в данном случае. <...> Аллах (л. 52) внял молитве Али и приказал горам перевернуться каменистой стороной к дереву и вообще Ходженту. Хотя легенда эта несообразна с историей, так как Али никогда не был в этих местах, но <мы> все-таки привели ее по двум обстоятельствам. Первое, она ясно доказывает, что в <...> народе еще свежа и не забыта эпоха сильных земных переворотов, (л. 52 об.) и второе, – мусульманства, которое <имело и имеет влияние>¹¹⁴ на все народности, им поглощаемые. Эта черта мусульманской религии везде и всюду <...> все, чем один народ отличается от другого, еще ярче представилась мне в Сайраме¹¹⁵ и др.<угих> среднеазиатских городах, считаемых <...>¹¹⁶ Помню, как теперь, в Сайраме, следуя за вожаком-мусульманином, мне (л. 53) пришлось вспомнить имена всех святых, взошедших¹¹⁷ в Коран из Ветхого и Нового Завета. Уверенность моего вожака и непреложности его рассказов была показательна. Мой путеводитель в Сайраме показал мне могилу Иисуса Христа, место проповеднической жизни Матери Божией и других святых. Все мои доводы в нелепости рассказываемых басен были бесполезны. (л. 53 об.) Мысль <...> меня <...> ему всю нелепость прошу вести рассказчика.

Далеко за полночь мы после долгих ожиданий <...> наконец доплыли до дому. В городе было темно, все спало глубоким сном, ни малейшего шума и шороху не было слышно, даже собак; эти точные¹¹⁸ музыканты среднеазиатских городов и те, как будто вторя окружающему миру, (л. 54) притихли. Мы проехали совершенно незамеченными по опустелым улицам.

Не успели отдохнуть еще измученные мои бока от суточной езды верхом по описанным трупам, как первыми словами любезного хозяина уезда на другой день при встрече были: «Поедемте опять в горы, только не по ту сторону Дарьи, а по этой, к границам Кокана. (л. 54 об.) Сейчас мне сообщили, что близ Гуфоры, в горах находятся те проречные железные ворота¹¹⁹, о которых Вам говорили».

Наученный <...> неудачной поездкой как по Дарье, так и проведенной в Могул-тау, я, несмотря на все свое желание уловить искомую вещь, попросил сперва дать мне возможность собрать более подробные сведения о заколдованном месте. Просьбе моей (л. 55)

¹¹³ Так в рукописи.

¹¹⁴ В рукописи: «оно имело и имеет».

¹¹⁵ Сайрам – город на юге современного Казахстана. Возник не позднее IX в., однако, по некоторым предположениям, именно на его территории обнаружены остатки древнего городища Испиджаб, датируемого едва ли не началом н. э., тогда как название Сайрам фиксируется лишь с XIII в. Входил в государство Саманидов, Чагатайский улус, государство Тимуридов. В XVI в. за власть над ним боролись узбекские (бухарские) и казахские ханы и султаны. Казахи захватили его в 1598 г. и владели городом до 1784 г., когда он вошел в состав Ташкентского государства, а потом и Кокандского ханства. В 1864 г. был захвачен российскими войсками и в 1865 г. официально причислен к городам Российской империи, входил в состав Чимкентского уезда Сырдарьинской области. См. подробнее: [Трактат о Сайраме, 2007].

¹¹⁶ Предложение не окончено.

¹¹⁷ Так в рукописи.

¹¹⁸ Так в рукописи.

¹¹⁹ Так в рукописи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.